

ВЕНЕРА ВО ГЛАВЕ БАЛЕТНОЙ ГВАРДИИ

Юбилейный вечер Марины Семеновой в Большом театре

Независимая газета. — 1998. — 2 июня. — с. 7

Майя Крылова

ВСЕ ВЕЛИКИЕ балерины создают собственную пространственную интерпретацию классического танца. Марина Тимофеевна Семенова, которая в субботу отметила свое 90-летие, трактовала классику как культ «монументального лиризма», парадоксально соединяя два противоположных качества в единое целое. Она (что не столь уж часто встречается в среде балетных виртуозок) очень музыкальна, и эта особенность ее танца постоянно вызывала сравнения то со звучанием органа в церкви, то с разнооб-

разными коронованными особами. Эпитет «царственная» — наиболее часто употребляемый. Там, где другие танцовщицы искали полтона и намеки, балерина находила каркас, структуру, конструкцию. Она ясно и до конца «проговаривала» пластическую завершенность каждого жеста, четко соотнося его с общим хореографическим массивом спектакля. В танце Семеновой, при всей его величавости, постоянно ощущался «нерв»: поведительная героика главенствовала там, где могли бы быть (у менее талантливых) бесстрашие и закрытость. Законченность форм сочеталась с порывом. Зал ощущал сознательное волевое бесстрашие.

Какие интересные художественные параллели можно было мысленно «вычертить» на ее спектаклях! В этих изумительных позах виделось воплощение принципов античной скульптуры — одухотворенная телесность, гармоническое напряжение пропорций, разрешающееся в «устойчиво-напряженный покой». (Сама Семенова, по воспоминаниям очевидцев, очень любит Милосскую статую из Лувра и всегда «стремилась представить себе Венеру, которая обрела бы способность двигаться»). Этот строго соотносенный с каноном классический танец ассоциировался с новым искусством, создаваемым предшественниками и современниками Семеновой: почти сезанновское представление об универсуме, «высокогорная точка зрения» на мироздание. То же чувство «пространственной шири», торжественной (и динамичной) мерности. При взгляде на семеновские снимки вспоминается и Майоль, его сгущенная плотность материи, разрываемой мощью сгущенной же энергии. «Дышащей скульптурой» называла танец своей ученицы великий педагог балета Агриппина Ваганова.

И «русскость» сценической манеры, облика, стиля — «в самой эротики семеновской пластики, в спокойном овале ее лица, в независимой посадке головы, в стекающей линии плеч, в округлом размахе рук... таилась... национальная природа». И умение создать трагический эпос на месте незатейливой сказочности балетных либретто — ее героини всегда сражаются с несвободой космического масштаба, будь то Никия в «Баядерке», Аврора в «Спящей красавице», академическая Раймонда, лукавая Китри, Эсмеральда в балете по роману Гюго «Собор Парижской богородицы» или придворная актриса времен французской революции в «Пламени Парижа». Особенно — ее Одетта-Одиллия, Черная и Белая девушки-птицы, о которых не зря сказано: «Если бы Марина Семенова не создала ничего, кроме образа Лебедя, она все равно стала бы великой актрисой».

...Семенову чествовали с размахом. Игорь Шабдурасулов зачитал указ президента РФ о награждении М.Т. орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени. Академия Русского ба-

лета имени Вагановой присвоила только что учрежденное ею звание почетного академика, а РАТИ наградила своею памятной медалью. Балерину поздравили все музыкальные театры Москвы, ей подносили тонны цветов, осыпали из-под колосников золотыми блестками, зачитывали поздравительные адреса. Пели грустную «Элегию» Массне и веселую песню «Вдоль по Питерской».

Зал погружался в воспоминания, навеваемые кинозранием — вот юная Марина, покорившая всех и вся сразу после выпуска из училища; вот великолепная Семенова в серии балетных фотографий периода своего расцвета (киноплёнок с танцами не показали — видимо, по желанию героини вечера?); вот Семенова-педагог в классе prima-балерин ГАБТа 70-х годов, с молоденькой Надеждой Павловой, тогда еще просто общепородной любимицей Надеи, с Ниной Тимофеевой, Светланой Адырхаевой. А после класса «в кино» был класс на сцене — Семенова на глазах у зрителей коммандирски поправляла ноги нынешним подопечным, среди которых не только балерины и солистки, но и премьер Большого театра Николай Цискаридзе, признающий только ее класс.

Ведущий вечера Святослав Бэлза назвал учениц Марины Тимофеевны «семеновским полком гвардии русского балета». Некоторые из «солдат» и «офицеров» этого полка выступали в гала-концерте. Балерин уровня юбилярши среди них не было. Что не вина, а беда нашего балета — Бог стал нынче скуп на танцевальные таланты такого масштаба. Впрочем, Марине Тимофеевне не могло не понравиться, как для нее танцуют артистки столицы и Петербурга — Надежда Павлова, Инна Петрова, Татьяна Чернобровкина, Нина Семизорова, Жанна Аюпова, — исполняя отрывки из классических спектаклей: «Лебединого озера», «Баядерки», «Корсар», «Спящей красавицы».

Детишки из Московской академии хореографии преподнесли ей россиниевскую «Тарантеллу». А на следующем юбилее Семеновой эта молодая поросль, глядишь, и покажет что-нибудь хорошее. Чтобы мы меньше сокрушались о том, что ЭТА балерина, увы, больше не танцует.

Марина Тимофеевна Семенова.
Фото ИТАР-ТАСС